

ПОЕЗДКА «В ТАТАРЫ» АЛЕКСАНДРА И АНДРЕЯ ЯРОСЛАВИЧЕЙ В 1247–1249 ГОДАХ: НАБЛЮДЕНИЯ НАД ХРОНОЛОГИЕЙ СОБЫТИЙ В СТЕПИ

Ю. В. Селезнев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 мая 2021 г.

Аннотация: хронология событий в Монгольской империи в 1246–1250 гг. показывает, что князья Александр и Андрей Ярославичи, совершившие поездку ко двору монгольского каана в 1247–1249 гг., оказались в водовороте событий борьбы за власть после смерти каана Гуюка. При этом ставка Бату (Батыя) находилась в этот момент на западном побережье Иссык-Куля в районе Алакамака (т. е. на востоке империи). Русские князья оказались в сложной ситуации в ходе распределения верховных полномочий и последующих репрессивных мер со стороны нового каана Менгу. Реконструкция хода событий позволяет предполагать, что князья Ярославичи могли быть заподозрены в причастности к мятежу вдовы Гуюка Огуль-Гаймиши. С подавлением этого мятежа были связаны действия Неврюя/Нурьина в 1252 г.

Ключевые слова: Александр Невский, Андрей Ярославич, Бату (Батый), Гуюк, Огуль-Гаймиши, курултай, каан (каган).

Abstract: the chronology of events in the Mongol Empire in 1246–1250 shows that Princes Alexander and Andrey Yaroslavich, who made a trip to the court of the Mongol kaan in 1247–1249, found themselves in the maelstrom of events of the struggle for power after the death of Kaan Guyuk. At the same time, the Batu (Batu) headquarters was located at that moment on the western coast of Issyk-Kul in the Alakamak region (that is, in the east of the empire). The Russian princes found themselves in a difficult situation during the distribution of supreme powers and subsequent repressive measures by the new Kaan Mengu. The reconstruction of the course of events suggests that the Yaroslavich princes could have been suspected of involvement in the rebellion of Guyuk's widow Ogul-Gaimish, and the suppression of this rebellion was the actions of Nevruy/Nuryin in 1252.

Key words: Alexander Nevsky, Andrey Yaroslavich, Batu (Baty), Guyuk, Olul-Gaimish, kurultai, kaan (kagan).

Проблема распределения столов и преемственности власти на Руси после смерти князя Ярослава Всеволодовича в 1246 г. тесно связана с вопросом степени вовлеченности русских княжеств в государственно-политическую систему Монгольской империи. Именно князь Ярослав Всеволодович являлся первым князем, прибывшим ко двору Батыя и оформившим зависимость от завоевателей. Более того, князю пришлось отправиться ко двору монгольского каана и получить инвеституру из его рук. Такое положение дел обуславливалось новым статусом русского князя: отныне он обязан был «служить» верховному правителю, что, по словам А. Н. Насонова, «обязывало русских князей ездить в далекую Монголию» [1, с. 30; 2; 3]. Однако на обратном пути из Каракорума 30 сентября 1246 г. он скончался. Свидетель событий папский легат Плато Карпини в смерти князя обвинил Туракину – мать только что избранного каана Гуюка, которая, «чтобы свободнее и окончательно завладеть его землею», поднесла Ярославу Всеволодовичу чашу с отравленным питьем [4, с. 77].

Необходимо согласиться с В. А. Кучкиным в том, что вопрос о преемнике князя Ярослава Всеволодовича решался на съезде русских князей во Владимире в 1247 г. Великим князем владимирским стал следующий по старшинству Всеволодович, брат Ярослава Святослав, который распределил детям Ярослава различные владения. Александр получил граничившее с Новгородом Тверское княжество и остался новгородским князем. Однако среди родственников наблюдается как минимум непоследовательное поведение, которое приводит ученых к выводам, что братья Ярославичи были недовольны разделом, произведенным их дядей. Князь Михаил Ярославич Хоробрит вскоре изгнал Святослава с владимирского стола и, вероятно, сам занял его. Князь Андрей Ярославич, который по возрасту был старше Михаила, отправился в 1247 г. к Батыю. Вслед за братом в степь выехал и князь Александр Ярославич, имевший прав на наследие отца больше, чем его братья. Далее В. А. Кучкин отмечает: «Батый не стал самостоятельно решать вопроса о владениях Андрея и Александра, а отправил их в Каракорум» [5].

В своей статье, посвященной отношениям князя Александра Ярославича с правителями Монгольской империи, В. Л. Егоров реконструирует общую хронологию поездки Александра и Андрея в Монголию следующим образом: «выезд из Владимира – в начале лета 1247 г.; пребывание во владениях Бату – до осени 1248 г.; выезд в Каракорум – осенью 1248 г. В конце декабря 1249 г. Александр уже присутствовал на похоронах князя Владимира Константиновича во Владимире. В степях Александр с братом пробыли несколько месяцев, что являлось обычным для таких поездок» [6].

В. А. Кучкин при этом указывает, что «явно задержав у себя Андрея и Александра, выехавших из Руси в разное время, Батый отпустил их в Каракорум вместе, возможно, тогда, когда умер хан Гуюк и потеряла власть Туракина» [5].

А. А. Горский отмечает, что «поездка Александра из Северо-Восточной Руси в ставку Батые (в низовьях Волги), а затем в столицу великого хана Каракорум имела место в конце 1247–1249 г.» [7, с. 5].

Таким образом, конечная дата возвращения братьев Ярославичей не вызывает сложностей и четко датируется присутствием их на погребении князя Владимира Константиновича Углицкого (скончавшегося 27 декабря 1249 г. – «на память святого первомученика Стефана» («плакася над ним Александръ князь и с братьею» [8, стб. 472])). Начало же длительного путешествия в Каракорум датируется довольно длительным промежутком: от лета 1247 г. до осени 1248 г.

Между тем вопрос последовательности действий князей в степи важен в связи с получением инвентуры от верховной имперской власти в далекой Монголии: легитимность полномочий князей Ярославичей зависит от того, кто и когда выдал им ярлыки на владения. Был ли это действующий каан Гуюк или правительство «междоцарствия» его вдовы Огуль-Гаймиш, управлявшей делами империи до вступления на престол Менгу. Время процедуры выдачи ярлыка зависит от времени прибытия князей ко двору в Каракоруме, что, в свою очередь, зависит от времени выезда их с берегов Волги.

Кроме того, рассматривая поездку князей Ярославичей в Каракорум, упускается из вида тот факт, что Батый также находился на востоке империи и также мог выдать ярлыки князьям Александру и Андрею.

События в монгольской империи в 1248–1250 гг. развивались следующим образом.

По данным Рашид-ад-Дина, в начале 1248 г., когда наступил новый год (по лунному календарю – февраль 1248 г.), Гуюк, находившийся в Каракоруме, «выступил из тех мест и в полнейшем величии и могуществе направился к западным городам» [9, с. 121].

Навстречу ему, по сведениям Джувейни, двигалась ставка Батые: «Когда Гуюк-хан вступил на престол на место отца, то он (Бату), согласно его просьбе и приглашению (участвовать в праздновании), тронулся в путь» [10, с. 22; 11, с. 184].

Рашид-ад-Дин указывает на то, что умиротворение между двоюродными братьями, поссорившимися во время западного похода, было явно показным. Мать другого кузена – Менгу – Соркуктани-беги – направила к Бату гонцов, поскольку «поняла, что поспешность его (Гуюка. – Ю. С.) [отъезда] (была. – Ю. С.) не без задней мысли». Посланник должен был сообщить Бату: «Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идет в те пределы». В результате «Бату держал [наготове] границы и вооружался для борьбы» с Гуюком [9, с. 121].

Однако все авторы единодушно отмечают, что Бату с войсками двигался навстречу Гуюку, и «по прибытии в Алакамак выяснилось положение Гуюк-хана (он умер)». Джувейни указывает, что Алакамак располагается «в неделе пути от города Каялыка» (Алакамак обычно располагают на западном побережье Иссык-Куля) [10, с. 22; 11, с. 184, 403]. В этой связи В. П. Костюков обращает внимание на то, что «армии Гуюка и Бату разделяло расстояние в 700–800 км», когда «наступила неожиданная развязка – в местности Еум-Сенгир, что у западных склонов Монгольского Алтая, Гуюк скончался» [12, с. 458].

Китайская династийная хроника «Юань ши» фиксирует смерть Гуюка «весной, в третьей луне года у-шэнь» (27 марта – 24 апреля 1248 г.) [13, с. 179].

Таким образом, Батый во главе своей ставки в марте–апреле 1248 г. находился в районе западного побережья Иссык-Куля (а не на берегах Волги). Такой вывод подтверждается свидетельством армянского автора Киракоса Ганздакеци, который отмечает, что Батые пригласили «приехать из северных стран на родину свою, чтобы царствовать над всеми. Он отправился утвердить свою власть, а во главе войска оставил своего сына по имени Сартак» [14, с. 199].

Косвенно слова Киракоса подтверждаются данными русской летописи: если в 1246 г. «Батые же князя Бориса отпусти и к Сартаку сыну своему. Сартак же почтивъ князя Бориса отпусти я в своя си» [8, стб. 471], то в 1249 г. «Поѣха князь Глѣбъ Василкович в Татары к Сартаку. Сартак же почтивъ и отпусти и в свою отчину» [там же, стб. 472]. То есть мы можем предполагать, что в 1249 г. делами в Орде все еще распоряжался Сартак, поскольку сам Батый попрежнему находился на востоке империи.

Данные сведения показывают нам, что князья Ярославичи и двор Батые в одно и то же время находились в одном и том же регионе – на востоке Монгольской империи. Однако свидетельств о том,

что князь Александр и Андрей сопровождали ставку Батгя, нет.

В этой связи важно рассмотреть временные интервалы передвижения по степи в XIII столетии.

Так, Плано Карпини затратил на весь свой путь чуть больше года (апрель 1246 г. – 9 июня 1247 г.), а из ставки Гуюка в Каракоруме до ставки Батгя на Волге – пять с половиной месяцев [4, с. 81]. Рубрук затратил на дорогу из ставки Батгя к ставке Менгу четыре месяца, на обратный путь – два месяца и 10 дней [там же, с. 122, 136, 183]. В целом туда-обратно, учитывая время ожидания аудиенции, – год, причем путь летом был более простым и быстрым, чем зимой [там же, с. 184].

Батгый двигался в сопровождении значительных войск. Причем стратегические задачи, которые стояли перед ним, могли диктовать как быстрое и стремительное перемещение конницы, так и замедленное, неспешное продвижение навстречу противнику. Следовательно, Батгый мог покинуть берега Волги как за два-три месяца до смерти Гуюка (напомним, каан умер в марте–апреле 1248 г.), т. е. в декабре 1247 г., так и за пять-шесть месяцев до событий (т. е. в октябре–ноябре 1247 г.).

Однако существует довольно надежное свидетельство о начале движения ставки Батгя на восток в период с мая по август 1247 г.

Ц. де Бридиа, записавший свидетельства сопровождавшего Плано Карпини монаха Бенедикта Поляка, отметил, что «братья (францисканцы, посетившие Монгольскую империю. – Ю. С.), говорят, что из своих владений он (Батгый. – Ю. С.) уже направляется к Куюк-кану. К тому же между ними возник большой разлад» [15, с. 114]. Свой труд Ц. де Бридиа закончил 30 июля 1247 г. [там же, с. 127]. А сами францисканцы прибыли в ставку Батгя на Волгу по пути из Каракорума 9 мая. Таким образом, Плано Карпини и Бенедикт Поляк, вероятно, наблюдали приготовления Батгя к скорому движению на восток и выяснили причины данных приготовлений. Возможно, они застали и отправление ставки в путь. В любом случае, выдвигание Батгя в направлении Каракорума определяется временным промежутком второй половины мая – концом июля 1247 г.

При этом Лаврентьевская летопись четко и непротиворечиво фиксирует, что братья Ярославичи сначала отправились в ставку Батгя («Того^ж . лѣ^т . Поѣха Андрѣи кня^з Ярослави^ч . в Татары к Батгѣви . и Сѣлександрѣ кня^з поѣха по братѣ же к Батгѣви»). А после аудиенции у главы Джучиева Улуса они были направлены ко двору монгольского каана; и направлены они были туда именно Батгем – не Сартаком («Батгѣи же почтивъ ею . и посла я г Каневиче^м»). То есть выехать они должны были не позднее апреля – самого начала мая 1247 г. В противном случае они

сопровождали бы движение в восточном направлении ставки самого Батгя, и можно предполагать, что летописец это каким-нибудь образом подчеркнул. Например, когда в 1389 г. князь Борис Константинович в столице Орды узнал, что «...въ то время царь Токтамышъ пошелъ на воину ратю на Темиръ Аксак», летописец отметил, что князь направился вслед за ханом и «стиже его на пути и иде съ нимъ въ дорогоу 30 дней и потомъ царь, пощадѣвъ его, и уверну его отъ мѣста, нарицаемаго Оурукътана, и повелѣ ему безъ себе прибыти и дождати своего пришествѣа въ Сарае» [16, стб. 156–157; 17]. В отношении поездки князей Ярославичей подобных пояснений нет, что позволяет утверждать, что двигались они самостоятельно, опережая ставку Батгя.

Князья Андрей и Александр выехали в степь «Того^ж . лѣ^т» – не обязательно в летний сезон, но часто летописцы добавляли уточнения, если сезон событий выпадал на весну, осень или зиму.

А. А. Горский подробно описал хронологию событий, предшествующих поездке князя Александра Ярославича в ставку Батгя. Он отметил, что в Новгородской Первой летописи «о том, что Александр поехал “в Татары”, упоминается под 6854 г.» [18, с. 79]. Однако «успеть добраться в ставку Батгя из Новгорода, где Александр тогда княжил, за месяц было вряд ли реально. Летописец явно имеет в виду отъезд Александра из Новгорода в самом конце 6864 г. (длился до конца февраля 1247 г. от Р. Х.). Это произошло «после получения известия о смерти отца (происшедшей в Монголии 30 сентября 1246 г.)». Вполне закономерно, что к «Батгю он отправился после похорон Ярослава и пребывания в Суздальской земле, в 1247 г.» [7, с. 5]. Причем папский легат францисканец Иоанн де Плано Карпини, возвращаясь из ставки каана в Каракоруме и будучи при дворе Батгя в мае 1247 г. (9 мая), имел информацию о явном нежелании князя Александра ехать в Монголию. По мнению А. А. Горского, такие сведения могли быть получены «из Владимира лицами из окружения Ярослава, находившимися в ставке Батгя» [там же, с. 6: Информация о вызове Александра ко двору великого хана и об угрожавшей ему опасности, скорее всего, была получена во время пребывания Плано Карпини в ставке великого хана, т. е. между 30 сентября (когда умер Ярослав Всеволодич) и серединой ноября (время отъезда францисканцев)]. Однако о выезде князя Александра в Орду и в Каракорум Плано Карпини не знал. Надо полагать, что папский легат и русские князья разминулись в пути.

Учитывая известия Ц. де Бридиа о том, что монголы «имеют обыкновение начинать какое-либо дело в начале лунного месяца или в полнолуние» [15, с. 118], можно предположительно определить время начала движения Батгя навстречу Гуюку. К примеру,

самого Плана Карпини отпустили из ставки Гуюка 13 ноября 1246 г. накануне полнолуния 14 ноября. Так в интересующий нас период новолуние выпадало на 6 мая, 4 июня и 4 июля; полнолуние – на 21 мая, 19 июня и 19 июля. Еще 9 мая Плана Карпини застал Батюга на Волге. То есть ставка ордынского правителя двинулась на восток не ранее конца мая 1247 г.

Нельзя исключать, что Батый направился в Монголию после времени праздника середины лунного года, который выпадал на летнее время, в основном на июль, и открывал вторую половину года. По наблюдениям А. Г. Юрченко, «на протяжении XIII века останется неизменной скрытая мотивация подобного рода мероприятий: непосредственный личный контакт верховного правителя со своими заместителями из отдаленных областей для подтверждения последней лояльности центральной власти» [19, с. 78, 89]. Именно к празднику, открывающему вторую половину года, был приурочен ежегодный курултай. Армянский автор Вардан, описывая события лета 1264 г. при дворе иль-хана Хулагу, в частности, подчеркнул, что «...эти праздничные дни назывались у них хурултай, т. е. праздники совещаний, и продолжались целый месяц... К этому дню являлись туда покорные им цари и султаны с большими дарами и приношениями» [там же, с. 95]. Поэтому Батый мог сначала провести курултай, а затем двинуться на восток.

В этом случае можно предполагать, что князья Ярославичи направлись в ставку Батюга в мае и были направлены в Каракорум в июне (поэтому об их движении не знал Плана Карпини). А сам Батый двинулся на восток около/после 19 июля – на момент написания труда Ц. де Бридиа – 30 июля 1247 г. – выдвигание Батюга навстречу Гуюку фиксируется как состоявшийся факт.

Среднее стандартное пребывание в ставке хана, отводившееся на прием прибывших, составляло около 25 дней [20]. Учитывая, что князь Александр Ярославич выехал после своего брата («Съ Александръ князь поѣхъ по братѣ же к Батыневи»), можно допустить, что аудиенции заняли больше времени. Однако можно предположить, что к концу апреля (или июня) Батый принял решение о направлении князей ко двору каана Гуюка.

В этом случае Александр и Андрей должны были выехать в степь в самом начале/середине марта (или мая) 1247 г. Это обуславливается, к примеру, свидетельствами арабского географа Х в. Ал-Истахри, который, описывая дорогу из нижнего течения Волги к среднему, особо отметил: «От Итиля до болгар по степным дорогам расстояние равнялось одному месяцу, по воде, вверх по течению – два месяца, вниз по течению – 20 дней» [21, с. 235]. Следовательно, в зависимости от способа путешествия время в пути составляло один-два месяца.

Таким образом, князья Ярославичи выехали из своих княжеств в марте (или мае), вероятнее всего, в середине месяца, и прибыли в ставку ордынского правителя в начале апреля (или июня) 1247 г.

Следовательно, время начала поездки князей Александра и Андрея Ярославичей в Каракорум можно локализовать апрелем (или июнем). Примерно через пять-шесть месяцев они должны были прибыть в ставку верховного правителя Монгольской империи. То есть произойти это должно было в сентябре-октябре (или декабре-январе) 1247 г. и князья Ярославичи должны были застать Гуюка еще живым. Вероятнее всего, князья были задержаны до праздника Нового Года по лунному календарю.

По свидетельству Джувейни Гуюк, «когда наступил Новый Год и мир вновь избавился от зимней стужи <...> исполнил свое намерение уехать и покинул столицу своего царства» [11, с. 179–180]. Князья же могли быть оставлены в столице до возвращения каана в Каракорум. Либо вынуждены были сопровождать ставку Гуюка в его движении на запад.

В этом случае они оказались свидетелями смерти Гуюка, когда по монгольским традициям движение по степи было приостановлено. Согласно Джувейни, «когда неизбежная участь всех смертных постигла Гуюк-хана, все дороги были перекрыты (таковы их обычай и традиция, когда умирает их царь) и была объявлена яса, согласно которой каждый должен был остановиться в том месте, которого достиг, будь оно обитаемым или пустынным» [там же, с. 180].

В частности, именно так поступил Батый: «Бату выступил из своей орды в стране болгар и саксинов, чтобы проследовать ко двору Гуюк-хана, и, прибыв в Алакамак, что в неделе пути от города Каялыка, получил сообщение о смерти Гуюк-хана. Он остался там, где находился, и стал слать одного гонца за другим ко всем своим родственникам, чтобы сообщить о своем прибытии: он просил их прибыть [к нему туда]» [там же, с. 403].

К месту ставки Батюга, являвшегося к этому времени старшим в роду и обладавшего самым значительным политическим весом, стали прибывать родственники и чиновники различного ранга. Возможно, и князья Ярославичи были приглашены в Алакамак.

Однако в течение быстрого времени в степи образовалось еще два политических центра.

Во-первых, Бату выразил соболезнования вдове Гуюка Огуль-Гаймиш «и оказал поддержку таким же манером и приободрил ее благородными обещаниями». Как старший в роду «среди прочего он предложил, чтобы Огуль-Гаймиш, как и прежде, продолжала бы управлять делами государства вместе с министрами и занималась бы всем, что было необходимо» [там же, с. 181].

Во-вторых, после съезда родичей в ставке Батыя было принято решение сделать «своим властелином» Менгу (сына Толуя, двоюродного брата Батыя) «и договорились провести великий курилтай в Онан-Келурене в следующем году. И с этим намерением каждый вернулся в свой собственный лагерь» [там же, с. 406]. Однако мать Менгу – Соркотани-беки – «стала оказывать чужеземцам всевозможные знаки внимания и благоволения и склонять на свою сторону родственников величайшей учтивостью и обходительностью» [там же].

Таким образом, окончательное решение по провозглашению нового каана было перенесено на год – на лето 1249 г. – а князья Ярославичи вынуждены были задержаться в Монголии и оказались перед выбором покровителя в условиях политического противоборства.

По словам Джувеини, соперники в борьбе за власть не могли договориться между собой, и «так прошли назначенный год и половина следующего, и все еще не видно было никаких признаков решения этого дела. А с каждым годом дела мира приходили во все более отчаянное положение, и с каждым месяцем на одеждах человечества появлялись новые прорехи» [там же, с. 407].

Более точные датировки отложились в сочинении персоязычного автора Джамала ал-Карши, который отметил, что «в течение двух лет и четырех месяцев его (Гуюка. – Ю. С.) место занимали (и правили) его жена Улуг-Каимис (Огуль-Гаймиш. – Ю. С.) и сыновья Хаджа и Накусат» [22, с. 120]. А по истечении этого срока «Манку-хан занял престол в сафаре 648 / мае-июне 1250 года, победив и уничтожив сыновей Гуйука и других [людей] из рода Чингиз-хана в количестве более сорока амиров и около двух тысяч военачальников» [там же, с. 121]. Тем не менее Рашид-ад-Дин отмечает, что летом 1250 г. интронизация Менгу не обладала легитимностью, поскольку Огуль-Гаймиш и ее сыновья не слагали с себя полномочия правительства и не признавали нового каана: «воображали, что “без нас дело курилтая не двинется вперед”» [9, с. 131]. Бату, вероятно, после июня 1250 г. начал движение к Волге. Однако он «приказал своим братьям Берке и Бука-Тимуру отправиться с многочисленным войском вместе с Менгу-Кааном в Келурен, столицу Чингиз-хана, и в присутствии всех царевичей, устроив курилтай, посадить его на царский трон». По данным Рашид-ад-Дина, официальная интронизация Менгу была осуществлена «в год какаил, который является годом свиньи, павший на месяце зуль-када 648 г. х. [25 января – 23 февраля 1251 г. н. э.]» [там же, с. 132].

Однако князья Ярославичи вернулись на Русь в конце 1249 г., когда восшествие на престол Менгу еще не было утверждено и оформлено. Следователь-

но, инвеституру они получили из рук Огуль-Гаймиш. Но, по всей вероятности, Батыю были известны действия правительства регентши, и он не препятствовал утверждению князей в их достоинстве. По данным Лаврентьевской летописи: «приказаша СЮлек^андрови Кыевь . и всю Русьскую землю . а Андрѣи съде в Володимери на столѣ [8, стб. 472]. Так же, как и его отец, старший из братьев Александр был назначен правителем всей русской земли, что может говорить о выделении в составе Монгольской империи особого «Русского улуса» [23, с. 3–15]. Формулировка летописца о князе Андрее заставляет обратить внимание на то, что в отношении него не применяются определения распоряжения («приказаша, «даша», «посадиша» и др.). Князь Андрей Ярославич «съде <...> на столе». Такая формулировка позволяет предполагать, что Андрею не было выдано четкого распорядительного документа и братья самостоятельно распределяли полномочия на Руси. Однако особых возражений со стороны дяди – князя Святослава Всеволодовича – они не встретили. Тем не менее «старейшинство в своей братьи», т. е. в Владимиро-Суздальской земле, князь Александр Ярославич получит только в 1252 г. [24, с. 56]. Этот факт может свидетельствовать о том, что князь Андрей получил распорядительный ярлык из рук Огуль-Гаймиш и занял владимирский стол по распоряжению монголов.

Возвращались князья из Монголии также самостоятельно: Батый оставался на востоке империи до курултая летом 1250 г. Об этом косвенно могут свидетельствовать записи о поездках в степь русских князей. Так, в первой половине года (март–август) «Поѣха кна^с Борисъ к Сартаку . Сартак же почтивъ ѿпусти . и в свою вчѣну». А уже осенью «Поѣха Стѣславъ Всеволодичъ и с сѣмъ в Татары» [8, стб. 472]. В последнем случае летописец не акцентирует внимание на персональном адресате поездки, что может говорить о возвращении Батыя на Волгу.

Таким образом, князья Александр и Андрей оказались свидетелями противоборства в условиях междоусобицы после смерти Гуюка. Инвеституру они получили из рук Огуль-Гаймиш, что означало необходимость обновления ярлыков после интронизации нового каана [25, с. 71, 72; 26, с. 59, 69; 27, с. 36–42], кем бы он ни был – сыном Гуюка и Огуль-Гаймиш или их другим родичем (например, кузен Менгу).

В этой связи необходимо обратить внимание на события 1252 г., когда на Русь были направлены войска Неврюя. Дело в том, что сразу же после интронизации Менгу (1251 г.) началось расследование в отношении Огуль-Гаймиш. Согласно сведениям Рашид-ад-Дина, после воцарения Менгу вдова Гуюка заявила: «Вы, царевичи, обещали и дали обязательство в том, что царская власть всегда будет принад-

лежать дому Угедей-каана и что никто не будет противодействовать его сыновьям, а теперь вы не держите слова». Тем не менее она прибыла в ставку каана, после чего сразу же была взята под стражу и подвергнута допросу: «Мункасар-яркучи, обнажив ее, потащил на суд и допрашивал <...> Спросив о ее вине, ее завернули в кошму и бросили в воду» [9, с. 138]. Во время аудиенции Рубрука Менгу особо отметил, что «Камус (Огул-Гаймиш. – Ю. С.), ... негодная женщина, более презренная, чем собака, ... была злейшая колдунья...» [4, с. 180]. После серии казней в Монголии Менгу дал распоряжение произвести «расследование <...> и всякого, кто участвовал в заговоре», приговорить к смерти. Это обуславливалось тем, что «по углам [еще] оставались кое-какие смутьяны, а вызов их был затруднителен и долго бы тянулся» [там же, с. 139].

Вполне закономерно, что под подозрение могли попасть и братья Ярославичи, получившие инвестицию из рук главного мятежника – регента Огул-Гаймиша.

Как отмечено в Лаврентьевской летописи в 1252 г.: «Иде Сѣлександръ князь . Новгородскѣи Ярославичъ . в Татары . и ѿпустиша и с чѣстью великою . давшѣ юму старѣишинство во всеи братѣи юго» [8, стб. 473]. Тогда как его брат Андрей «здума <...> с своими боары . бѣгати нежели цѣрмѣ служити». Формулировка русской летописи обозначает явное неповиновение и расценивалась, по всей видимости, как мятеж и участие в заговоре против Менгу-каана. На владения князя Андрея Ярославича, с явного распоряжения Батгя и Сартака, были выдвинуты войска во главе с воеводой Неврюем. Р. П. Храпачевский предположил, что Неврюя/Неврюна русских летописей можно отождествить с саджиутом Нюрыном [28, с. 266]. Он был сыном Тайдара, который «помогал Сянь-цзуну (Менгу. – Ю. С.) в походе против государств асов и кипчаков» [13, с. 245]¹. Р. П. Храпачевский выдвигает гипотезу о том, что Неврюй – Нюрын прибыл на Русь из Каракорума по поручению Менгу, а его действия были обычной карательной экспедицией за нарушение выплат дани [там же, с. 268]. Однако вполне вероятно, что полномочия Неврюя были связаны не только и не столько с финансовыми вопросами – монгольский военачальник должен был подавить измену и мятежи на окраинах империи (которые могли выражаться и в долгах по налогам).

¹ Любопытный эпизод о деятельности Нюрына отложился в анналах правления Хубилая в «Юань ши». В должности *ду-юаньшуйай* – главнокомандующего армией Нюрын получил порицание: «В день *дин-вэй* (18 сентября 1260 г.) Хубилай направил эдикт допустившему нарушения главнокомандующему (*ду-юаньшуйай*) Нюрыну – нельзя беззаконно бить и захватывать в плен чиновников». То есть в 1260 г. Нюрын так же, как и в 1252 г., применял насилие к назначенным кааном должностным лицам.

Такой сценарий возможен еще и в связи с реконструкцией событий, предложенной А. А. Горским. Согласно его наблюдениям, в ходе ордынского вторжения 1252 г. была убита не жена князя Ярослава Ярославича Тверского и взяты в плен его дети Михаил и Святослав Ярославичи, а третья супруга князя Ярослава Всеволодовича, отца Ярослава Тверского (а также князей Александра и Андрея). Предположительно (гипотеза Д. Домбровского [29, с. 560]) брак был заключен в ставке Батгя весной 1246 г., а супругой стала родственница Батгя. Именно она оказалась в Переяславле во время похода ордынских войск и погибла в ходе их действий. Соответственно, дети, попавшие в плен, – это младшие отпрыски (не известные по имени) князя Ярослава Всеволодовича от третьей жены [30, с. 34] («и княгиню Ярославлю яша и дѣти изымаша . и воѣводу Жидослава ту оубиша . и княг[ын]ю оубиша . и дѣти Ярославли в полонь послаша»). Однако убийство представительницы «золотого рода» – преступление в Монгольской империи весьма значительное. А Неврюй не понес за него никакого наказания. Такое снисхождение к нарушителю порядков могло произойти только в случае виновности убитого/убитой в преступлениях против каана и верховной власти. Вполне возможно тогда, что третья жена Ярослава была заподозрена и обвинена (наряду со своим пасынком Андреем) в мятеже и убита как заговорщица. Однако данный вывод основан на нескольких допущениях и требует дополнительной аргументации.

В то же время мятеж князя Андрея, зафиксированный летописцем в форме нежелания «цесарем служить», не вызывает сомнений.

Таким образом, князья Александр и Андрей Ярославичи во время своей поездки ко двору монгольского каана в 1247–1249 гг. оказались вовлечены в перипетии борьбы за власть после смерти Гуюка (март–апрель 1248 г.). Политические центры претендентов на верховную власть влияли на позиции князей. Тем не менее князья получили инвестицию из рук официального на тот момент правительства регентши Огуль-Гаймиш. Ее положение и статус были санкционированы старшим в роду Чингизидов – Бату (Батгьем), который также находился в непосредственной близости от Каракорума. Однако после утверждения на общемонгольском престоле каана Менгу прежнее правительство, пытавшееся сохранить за собой власть, было смещено и объявлено мятежным. Все связанные с Огуль-Гаймиш, казенной по обвинению в измене и колдовстве, попали под подозрение. Отказавшись «цесарем служить», князь Андрей Ярославич усилил подозрение в отношении причастности к заговору, был объявлен мятежником и в 1252 г. смещен. Князь Александр Ярославич прибыл ко двору Батгя, снял с себя подозрения и получил «старей-

шинство во всей братии его», объединив общерусские Киевский и Новгородский стол с Владимирским.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь / А. Н. Насонов. – М. ; Л., 1940. – 178 с.
2. *Селезнев Ю. В.* Русские князья в политической системе Джучиева Улуса (Орды) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю. В. Селезнев. – Воронеж, 2014. – 48 с.
3. *Амелькин А. О.* Нашествие Батые и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. / А. О. Амелькин, Ю. В. Селезнев. – Воронеж, 2004. – 144 с.
4. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. – М., 1957. – 272 с. + карта.
5. *Кучкин В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси / В. А. Кучкин // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 18–33.
6. *Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды / В. Л. Егоров // Отечественная история. – 1997. – № 2. – С. 48–58.
7. *Горский А. А.* Платон Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка / А. А. Горский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2019. – № 3 (77). – С. 5–11.
8. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. Т. I, вып. 1: Лаврентьевская летопись; вып. 2–3: Лаврентьевская летопись по Суздальскому списку. – Л., 1927–1928. – 580 с.
9. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей : в 3 т. – М. ; Л., 1960. – Т. 2. – 246 с.
10. Из «Истории завоевателя мира» Джувейни // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды : в 2 т. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. – М. ; Л., 1941. – С. 20–24.
11. Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира. – М., 2004. – 690 с.
12. *Костюков В. П.* Улус Джучи и синдром федерализма / В. П. Костюков // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. – М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2007. – С. 454–489.
13. «Китайская династийная хроника «Юань ши (официальная история [династии] Юань)» // Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники : в 5 т. – М., 2009. – Т. III. – С. 121–291.
14. *Гандзакеци К.* История Армении / К. Гандзакеци // Золотая Орда в источниках : в 5 т. Т. V. – М., 2019. – С. 199.
15. *Бриан Ц. де.* История татар / Ц. де Бриан // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской комиссии 1245 года. – М. : Евразия, 2002. – С. 99–126.
16. ПСРЛ : в 43 т. Т. XV, вып. 1: Рогожский летописец. – Пг., 1922. – 186 стб.
17. *Селезнев Ю. В.* Токтамыш – последний хан единой Орды / Ю. В. Селезнев // Вопросы истории. – 2010. – № 2. – С. 122–131.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. ; Л., 1950. – 642 с.
19. *Юрченко А. Г.* Элита Монгольской империи : время праздников / А. Г. Юрченко // ТҮҮХИЙН СУДЛАЛ (Studia historica). – Улаанбаатар, 2004. – Т. XXXV. – С. 78–95.
20. *Селезнев Ю. В.* О времени, затрачиваемом русскими князьями на поездки в Орду / Ю. В. Селезнев // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 31–36.
21. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о восточной Европе : Гонган и Поволжье в IX–X вв. : в 2 т. / Б. Н. Заходер. – М., 1962. – Т. II. – 279 с.
22. История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Джамал ал-Карши-ал-Мулхакат би-с-сурах. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 416 с.
23. *Трепавлов В. В.* «Русский улус» Золотой Орды / В. В. Трепавлов // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 3–15.
24. *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития / А. А. Горский. – СПб. : Наука, 2016. – 185 с.
25. *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского / А. А. Горский // Александр Невский и история России : материалы научно-практической конференции. – 1996. – С. 64–75.
26. *Горский А. А.* Всего еси исполнена земля русская... : Личности и ментальность русского средневековья. Очерки / А. А. Горский. – М., 2001. – 176 с.
27. *Селезнев Ю. В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г. : политические реалии и их отражение в русской письменной традиции / Ю. В. Селезнев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 1 (35). – С. 36–42.
28. *Храпачевский Р. П.* Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) / Р. П. Храпачевский // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. ИВИ РАН. – М., 2013. – С. 254–268.
29. *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей : Первые поколения (до начала XIV в.) / Д. Домбровский. – СПб., 2015. – 880 с.
30. *Горский А. А.* Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского / А. А. Горский // Российская история. – 2020. – № 4. – С. 31–37.

*Воронежский государственный университет
Селезнев Ю. В., доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
E-mail: orda1359@mail.ru*

*Voronezh State University
Seleznev Yu. V., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of Russian History
E-mail: orda1359@mail.ru*